

Моим детям, внукам, родственникам О нашей семье, близких нам людям и временах,
формировавших их судьбы. To my children, grandchildren, and relatives about our
family, the people close to us, and the times that shaped their destinies.

INTRODUCTION

Течение лет вывело меня на ту ступень жизни, когда человек может сказать о себе, что он самый старший по возрасту и единственный ещё живой, кто хорошо знал многих представителей когда-то большого рода. К сожалению, я знаю не всё и не всех. Мне стыдно за то, что не знаю даже имени своей бабушки — мамы моего папы. О подобных явлениях — дальше. Здесь, в вводной части, считаю нужным отметить, что написал только о том, что помню сам и о слышанном в семье; оценки некоторым общественно-политическим событиям в понимании времени, к которому они относились, а отдельные подробности для лучшего представления о ситуациях.

Воспоминания написал по многим причинам. Цепочки жизни большинства еврейских семей разорваны вынужденной диаспорой, многие звенья цепочки безвозвратно утеряны, поэтому надо передавать потомкам ещё известное; мои, к счастью, этим интересуются. Я давно хотел заняться семейной тематикой, но текущие работы никак не кончаются.

Коррективы в последовательность работ внёс мой самый младший внучок Лёвочка: он проявил большой интерес к истории семьи. Однако приближалась шестидесятая годовщина Победы над фашистской Германией. Мои друзья предложили откликнуться на эту очень важную дату, и я начал воспоминания о семье с себя, написав «Метры пехоты». Замысел темы не нарушен: война неумолимыми стальными скребками прошла по жизням людей и из нашего рода.

The passage of years has brought me to that stage of life when a person can say about themselves that they are the oldest by age and the only one still alive who knew many representatives of what was once a large family. Unfortunately, I do not know everything and everyone. I am ashamed that I do not even know the name of my grandmother - my father's mother. More about such phenomena - later. Here, in the introduction, I consider it necessary to note that I wrote only about what I remember myself and what I heard in the family; assessments of some socio-political events in the understanding of the time to which they belonged, and some details for a better understanding of the situations.

I wrote the memoirs for many reasons. The chains of life of most Jewish families are broken by forced diaspora, many links of the chain are irretrievably lost, so it is necessary to pass on what is still known to descendants; fortunately, mine are interested in this. I have long wanted to engage in family topics, but current work never ends.

The sequence of work was corrected by my youngest grandson Lyovochka: he showed great interest in the history of the family. However, the sixtieth anniversary of the Victory over Nazi Germany was approaching. My friends suggested responding to this very important date, and I began my family memoirs with myself, writing "Meters of Infantry". The theme's concept is not violated: the war passed through the lives of people from our family with relentless steel scrapers.

FRONTLINE MEMORIES

Чем дальше уходят годы Великой Отечественной войны, тем важнее, мне представляется, показывать связь военных эпизодов с решениями высшего командования, с фактами жизни страны на всех стадиях войны. В период определившегося всеобщего наступления Советской Армии действия даже взвода были частью стратегически-тактического плана победы. В такой связи - один из залогов успеха и более ясного представления о происходившем. Поэтому приведу фрагменты из книги Мартына Мержанова «Солдат, генерал, маршал (о Баграмяне и др.)». Из-во полит. литературы, М., 1974.

В июле 1944 года «Правда» писала:

«По центральным улицам Москвы под конвоем советских солдат прошли 57 600 человек пленных.

хваченных в Белоруссии. Впереди гигантской колонны, опутив головы, двигались германские генералы и офицеры... Они победно промаршировали через многие столицы Европы — Варшаву, Париж, Прагу, Белград, Афины, Амстердам, Брюссель и Копенгаген. Их мечтой было так пройти по Москве. И вот они шагали по ней, но не как победители, а как побежденные... Шагали пленные мимо молчавших, гневных москвичей, плотными рядами стоявших на тротуарах. с. 81. 3. Прошедшие пленные, по численности, составляли более четырёх стрелковых дивизий. Внушительная сила. Так что июльское шествие было зримым свидетельством грядущей победы, моральным стимулом измученному войной советскому народу. Тогда 9 мая было не более, чем число в календаре. Несмотря на определившийся явный перевес в пользу Советской Армии, война оставалась ожесточённой, враг пытался переломить ситуацию. 4. Баграмян исходил из того, что Прибалтику гитлеровцы будут удерживать до последних возможностей. Эта их задача имела не только стратегический, но и политический смысл. Опираясь на созданные здесь хорошо оборудованные в инженерном отношении рубежи, коман-

The further the years of the Great Patriotic War go, the more important it seems to me to show the connection of military episodes with the decisions of the high command, with the facts of the country's life at all stages of the war. During the period of the determined general offensive of the Soviet Army, the actions of even a platoon were part of the strategic tactical plan of victory. In such a connection lies one of the keys to success and a clearer understanding of what happened. Therefore, I will provide fragments from the book by Martyn Merzhanov "Soldier, General, Marshal (about Bagramyan and others)". Politizdat, Moscow, 1974.

In July 1944, "Pravda" wrote:

"Along the central streets of Moscow, under the escort of Soviet soldiers, 57,600 prisoners captured in Belarus marched.

captured in Belarus. At the head of the giant column, with their heads down, moved German generals and officers... They triumphantly marched through many capitals of Europe: Warsaw, Paris, Prague, Belgrade, Athens, Amsterdam, Brussels, and Copenhagen. Their dream was to march through Moscow in the same way. And here they were walking through it, but not as victors, but as the defeated... The prisoners marched past the silent, angry Muscovites, who stood in dense rows on the sidewalks. (p. 81) The prisoners who passed by, in terms of numbers, constituted more than four rifle divisions. An impressive force. So the July march was a visible testimony of the coming victory, a moral stimulus for the war-weary Soviet people. At that time, May 9 was nothing more than a date on the calendar. Despite the clear advantage in favor of the Soviet Army, the war was fierce, and the enemy tried to turn the tide. Bagramyan assumed that the Germans would hold the Baltics to the last. This task had not only strategic but also political significance for them. Relying on the well-equipped defensive lines created here, the command of the Army Group "North" could free up a sufficient number of troops to counteract the forces of the 1st Baltic

дование группы армий «Север» могло высвободить достаточное количество войск для противодействия войскам 1-го Прибалтийского фронта. с. 82. 14. Предстоящая операция была связана с трудностями, которые возникли в связи с контратаками гитлеровцев. 20 июля 1944 года началось наступление ударной группировки фронта на Шяуляйском направлении. Войска сравнительно быстро преодолели первый оборонительный рубеж и двинулись вперед. с. 83, 85. В книге М. Мошинов. с. 86.

Обратим внимание ещё на один значительный факт, произошедший в тот же день, 20 июля, но по ту сторону фронта. В ту ночь, когда командующий фронтом генерал Баграмян и начальник штаба генерал Курасов окончательно отшлифовали все детали шяуляйской операции, в Восточной Пруссии, в районе Растенбурга, в ставке Гитлера - так называемом «Вольфшанце» («волчье логово») - в 300 километрах от штаба 1-го Прибалтийского фронта, тоже над картой сидел начальник оперативного отдела генерального штаба генерал А. Хойзингер. Он готовился к докладу фюреру, назначенному на 20 июля в полдень... Именно в эту секунду раздался оглушительный взрыв. Гитлер вылез из-под упавшего на него стола. Он получил ожоги и легкие ранения. (с. 85-86) Наши войска шли на запад. Гитлеровцы чувствовали близкую Восточную Пруссию и край земли - берег Балтийского моря. На второй день после начала наступления был освобожден город Паневежис, вскоре и Шяуляй. В тот же день после упорных боев войска 2-го Прибалтийского фронта и 6-й гвардейской армии генерала Чистякова овладели Даугавпилсом. После освобождения Шяуляя противник лихорадочно усиливал сопротивление. (с. 86) Череда масштабных событий приближала мою особую дату, 24 июля 1944 года, о которой рассказываю. Раннее утро. Передовая. Вернулась разведка. Она проверила, в частности, положение на нейтральном участке, откуда предстояло продолжить наступление. Незадолго до этого 6-я гвардейская армия входила в состав 1-го Прибалтийского фронта. В данной операции она взаимодействовала с войсками 2-го Прибалтийского фронта.

Front. (p. 82) The upcoming operation was associated with difficulties that arose due to the counterattacks of the Germans. On July 20, 1944, the offensive of the front's strike group began in the Šiauliai direction. The troops relatively quickly overcame the first defensive line and moved forward. (pp. 83, 85) In the book by M. Moshinov. (p. 86)

Let us pay attention to another significant fact that happened on the same day, July 20, but on the other side of the front. That night, when the front commander General Bagramyan and Chief of Staff General Kurasov finally polished all the details of the Šiauliai operation, in East Prussia, in the Rastenburg area, at Hitler's headquarters - the so-called "Wolf's Lair" - 300 kilometers from the headquarters of the 1st Baltic Front, the head of the operations department of the general staff, General A. Heusinger, was also sitting over a map. He was preparing to report to the Führer, scheduled for noon on July 20... At that very second, a deafening explosion occurred. Hitler crawled out from under the table that had fallen on him. He received burns and minor injuries. (pp. 85-86) Our troops were moving west. The Germans felt the proximity of East Prussia and the edge of the earth - the shore of the Baltic Sea. On the second day after the start of the offensive, the city of Panevėžys was liberated, and soon after, Šiauliai. On the same day, after fierce battles, the troops of the 2nd Baltic Front and the 6th Guards Army of General Chistyakov captured Daugavpils. After the liberation of Šiauliai, the enemy feverishly intensified resistance. (p. 86) A series of large-scale events was approaching my special date, July 24, 1944, which I am telling about. Early morning. The front line. The reconnaissance returned. It checked, in particular, the situation in the neutral area from which the offensive was to continue. Shortly before that, the 6th Guards Army had joined the 1st Baltic Front. In this operation, it interacted with the troops of the 2nd Baltic Front.

The returning scouts brought us hot, delicious porridge with butter, sweet tea, and bread in shoulder thermoses. We ate unhurriedly, checked our weapons again, someone carefully lit a cigarette, and everyone fell

Возвращения разведки нам принесли в наплечных термосах горячую вкусную кашу с маслом, сладкий чай, хлеб. Мы не торопясь наелись, ещё раз проверили оружие, кто-то осторожно закурил, все замолчали; ждали приказа на выдвижение к исходным позициям. Я был младшим лейтенантом (после окончания годичного Тульского пулемётно-миномётного училища), командиром стрелкового взвода - 517 стрелковый Краснознамённый полк, 166 гвардейская дивизия, 8-я гвардейская армия. Обстановка на уровне стрелкового-пехотного взвода была такова: Нейтральная полоса проходила как под углом. Линия нашего переднего края возвышалась слегка над узким полем, которое упиралось противоположной стороной в молоденькое редколесье. Предстояло спуститься в лесок, пройти его поперёк и залечь за низким земляным валом - рубежом атаки. Впритык к валу, с внешней от нас стороны, узкая мелиоративная канава. За валом, напрямую в сторону немцев, тоже было небольшое поле длиной - по направлению нашего наступления - метров, примерно 120.

Это поле было под слабым наклоном, но в нашу сторону (для наступающей пехоты это плохо). На немецкой стороне поле граничило с кустарником, старыми деревьями, боковой стеной длинного бревенчатого хуторского строения (амбар или сарай), а немного правее — с большой ёмкостью на высоких металлических опорах. Два объекта — строение и ёмкость — можно было превратить за короткое время в хорошо защищённые огневые точки. Это входило в защитную полосу немецкой обороны. Такова была диспозиция, место нашего взвода в бою, показываю всё в плане.

Выдвижение на исходные позиции прошло быстро, спокойно. В молоденький лесок вошли в полной боевой готовности. Когда приближались к земляному валу, противник открыл огонь, как слышалось, по широкому фронту наступавшей армии. Всем взводом мы нырнули к валу. Никто не пострадал. Мгновенно открыли ответный огонь. Сила нажатия на спусковой курок, убойная сила пули, казалось, умножались на силу ненависти к фашизму, Гитлеру. Автоматными очередями мы били

silent; we were waiting for the order to move to the starting positions. I was a junior lieutenant (after graduating from the one-year Tula Machine Gun and Mortar School), commander of a rifle platoon - 517th Rifle Red Banner Regiment, 166th Guards Division, 8th Guards Army. The situation at the level of the rifle-infantry platoon was as follows: The neutral zone ran at an angle. The line of our front edge was slightly elevated above a narrow field, which on the opposite side abutted a young sparse forest. We had to descend into the forest, cross it, and lie down behind a low earthen rampart - the attack line. Close to the rampart, on the side away from us, was a narrow drainage ditch. Beyond the rampart, directly towards the Germans, there was also a small field about 120 meters long in the direction of our advance.

This field had a slight slope, but towards us (which is bad for advancing infantry). On the German side, the field bordered with bushes, old trees, the side wall of a long log farm building (barn or shed), and a little to the right - a large tank on high metal supports. These two objects - the building and the tank - could be quickly turned into well-protected firing points. This was part of the German defense line. This was the disposition, the place of our platoon in the battle, I show everything in the plan.

The advance to the starting positions went quickly and calmly. We entered the young forest in full combat readiness. As we approached the earthen rampart, the enemy opened fire, as it seemed, along the wide front of the advancing army. Our entire platoon dived to the rampart. No one was hurt. We instantly returned fire. The force of pressing the trigger, the killing power of the bullet, seemed to multiply by the force of hatred for fascism, for Hitler. We fired bursts at the most likely, reliable enemy firing points. We were well prepared for the attack. In the neighboring platoon was the company commander (which meant that section was more difficult). They also thoroughly rinsed the enemy's position, and we simultaneously rose to the attack: in an instant, we jumped over the earthen rampart, the ditch, and rushed forward. The peculiarity of the battle was that the distance between our and the

по местам наиболее вероятных, надёжных для врага, огневых точек. По обстановке мы хорошо подготовились к атаке. В соседнем взводе находился командир роты (значит, там участок был сложнее). Они тоже как следует прополоскали позицию врага, и мы одновременно поднялись в атаку: мигом перемахнули через земляной вал, канаву и устремились вперёд. Особенность боя состояла в том, что расстояние между нашими и немецкими позициями, повторяю, было минимальное. Это значило, что нам надо было сбить уверенность врага в надёжности обороны, а главное — усилением огня ближнего боя выбить его с занимаемых позиций. Причины такого вида пехотных атак возникали потому,

Что если враг выдерживал ад ударов сгруппированной огневой мощи дивизий, армий, то он закреплялся на промежуточных линиях обороны и пытался сдерживать натиск наступающей Советской Армии. Для этого он поспешно выстраивал защиту, и на переднюю линию своей обороны выдвигал (обычно стрелковые подразделения) человека с ружьём. Немцы отступали, но не бежали, поэтому — не дать закрепиться врагу на промежуточных позициях, выбить человека с ружьём и отогнать противника к рубежам и ко времени, установленным в оперативных разработках высшего командования. Такова задача. В подобных операциях последнюю точку ставила пехота. В этом была её незаменимость, сила и жертвенность. Мы атаковали и на бегу вели автоматный огонь короткими очередями, чтобы ограничить ответный огонь противника и не снижать темпа атаки. (Пояснение: на коротком расстоянии, да ещё на открытой местности под наклоном даже слабым, но...

Выходным противнику, "классическая" атака — залегания и короткие перебежки с ведением огня — практически исключена. Атакующие хорошо видны, малоподвижны. Нужен быстрый бросок и сконцентрированный огонь по неширокой полосе атакующей взводом линии. Так и было. По мере быстрого преодоления короткого расстояния огонь нарастал, но хуже тому, возле их позиций находится атакующая пехота. Однако в общем шуме боя пули выводили из строя наших бойцов. На каком-то

German positions, I repeat, was minimal. This meant that we had to shake the enemy's confidence in the reliability of their defense, and most importantly, by intensifying close-range fire, drive them out of their positions. The reasons for this type of infantry attack arose because,

if the enemy withstood the hell of the concentrated firepower of divisions and armies, they entrenched themselves on intermediate defense lines and tried to hold back the onslaught of the advancing Soviet Army. For this, they hastily built defenses and pushed a man with a rifle (usually rifle units) to the front line of their defense. The Germans retreated but did not flee, so the task was to prevent the enemy from consolidating on intermediate positions, to drive out the man with the rifle, and to push the enemy to the lines and times set in the operational plans of the high command. This was the task. In such operations, the infantry put the final point. This was its irreplaceability, strength, and sacrifice. We attacked and fired short bursts of automatic fire on the run to limit the enemy's return fire and not slow down the pace of the attack. (Explanation: at a short distance, and even on open terrain with a slope, even a slight one, but...

for the enemy, a "classic" attack - lying down and short dashes with firing - is practically excluded. The attackers are well visible, immobile. A quick dash and concentrated fire on a narrow strip of the line attacked by the platoon are needed. And so it was. As the short distance was quickly overcome, the fire increased, but worse for them, the attacking infantry was near their positions. However, in the general noise of the battle, bullets took our soldiers out of action. At some ten meters, something flat, hard hit me very hard on the right, knocked me off my feet. The blow was so strong that the moment of falling was not recorded in my consciousness.

The sensation began to return with a continuous hum, darkness, and a peculiar wind in my head. All this seemed to pull me into some distance, to a bright spot. At some point, my eyes opened. I was lying face down in a pool of blood. Burning pain in my mouth, on my face, in my right shoulder. By the head...

десятке метров что-то плоское, жёсткое очень сильно толкнуло меня справа, сбилось с ног. Толчок был такой силы, что в моём сознании не зафиксировался момент падения.

Самоощущение начало возвращаться непрерывным гулом, мраком и своеобразным ветром в голове. Всё это как бы вытягивало меня в какую-то даль, к светлому пятну. В какой-то миг открылись глаза. Я лежал ничком, в луже крови. Жгущая боль во рту, на лице, в правом плече. У головы...

Лежал мой автомат ППШ (пистолет-пулемёт Шпагина), боковым зрением увидел куски рваной щеки, с которых стекали сгустки крови; правого предплечья не было: месиво мяса и крови держало лоб на куске разорванного рукава гимнастёрки, и на темно-синей жилке ужас охватил меня: неужели умираю, неужели не увижу мою Москву?!

lay my PPSH submachine gun (Shpagin submachine gun), with peripheral vision I saw pieces of torn cheek, from which clots of blood were dripping; there was no right forearm: a mess of meat and blood held the forehead on a piece of torn sleeve of the tunic, and on the dark blue vein horror gripped me: am I really dying, will I really not see my Moscow?!

INJURIES AND RECOVERY

Москва не представлялась ни родственниками, ни родным домом — мне было 19 лет, и мои родители к тому времени умерли. Москва представилась тогда уютным уголком Пушкинской площади, где стояли памятник великому поэту (на исконном месте) и гипсовая статуя балерины на крыше нового углового дома на улице Горького.

Растерянность, шок сменились восстановлением сознания, хотя в голове сильно шумело и стучало в висках, сгустки крови давили горло, я беспрерывно заглатывал их. Однако страх смерти сменился стремлением выжить. Я осторожно развернулся на левом плече, опёрся на левую часть спины, левой рукой подтянул правую руку, потом протаскил полевую сумку и ремнём обмотал оторванную руку; в поиске некоторого облегчения боли я попытался снять с лица жгущую тяжесть, но пальцы коснулись языка. Я решил выбираться своими силами. Не успел поеду.

свои действия, как через секунды я увидел возле себя медицинскую сестру. С колен, нагнувшись без слов, она начала бинтовать моё лицо, потом дважды пыталась наложить жгут на правое предплечье, жгут не держался. «Придётся тугую повязку», — сказала она тихо ни мне, ни себе и опять открыла санитарную сумку. Пока сестра бинтовала, я пытался внятно произнести слово «пить». Она, конечно, всё понимала и без моего мычания, и когда кончила бинтовать, приподняла две фляги, слегка потрясла ими и тихо, с большим сочувствием сказала: «Раненые выпили. Потерпи, родной, скоро заберём тебя». По-прежнему оставаясь низко пригнувшейся к земле, сестра отползла. Тугие повязки приглушили ощущения острой боли, а жажда мучала: казалось, что во рту у меня провянявшая, перепревшая портянка, которую я вынужден отсасывать... Полулёжа на спине, я подтянул повыше, к груди, полевую сумку с примотанной рукой, зацепил ремень автомата и, опираясь на левый локоть, стал ползти в сторону лесочка воз-

Moscow did not appear to me as family or a childhood home — I was 19 years old, and by that time, my parents had passed away. Moscow appeared at that moment as a cozy corner of Pushkin Square, where the monument to the great poet stood (in its original place), along with a plaster statue of a ballerina on the roof of a then-new corner building on Gorky Street.

Confusion, shock were replaced by the restoration of consciousness, although there was a loud noise in my head and pounding in my temples, clots of blood pressed on my throat, I continuously swallowed them. However, the fear of death was replaced by the desire to survive. I carefully turned on my left shoulder, leaned on the left part of my back, pulled my right hand with my left hand, then dragged the field bag and wrapped the torn hand with the strap; in search of some relief from the pain, I tried to remove the burning weight from my face, but my fingers touched my tongue. I decided to get out on my own. I didn't have time to...

my actions, when seconds later I saw a nurse next to me. Kneeling, bending over without a word, she began to bandage my face, then twice tried to apply a tourniquet to my right forearm, the tourniquet did not hold. "We'll have to use a tight bandage," she said quietly, neither to me nor to herself, and opened the medical bag again. While the nurse was bandaging, I tried to clearly say the word "drink." She, of course, understood everything without my mumbling, and when she finished bandaging, she lifted two flasks, shook them slightly, and quietly, with great sympathy, said: "The wounded drank. Hold on, dear, we'll take you soon." Still staying low to the ground, the nurse crawled away. The tight bandages muffled the sensations of sharp pain, but the thirst tormented me: it seemed that there was a stinking, overripe footcloth in my mouth, which I was forced to suck... Half-lying on my back, I pulled the field bag with the strapped hand higher to my chest, hooked the strap of the submachine

Можно, если бы я попил воды, остался бы ждать помощи. Близкий лесочек уже казался далёким, однако я дополз. Помню себя уже в санроте: значит, сестра вернулась, меня вынесли. В санроте наполнили незабываемой прелести сырой, прохладной водой, сделали обязательный для всех раненых противостолбнячный укол. Потом - операционная медсанбата.

- Санитарная рота - ближайший к боевым действиям медицинский пункт; располагалась на передовых позициях; её функция - неотложная помощь раненому и отправка его в медсанбат.

Медицинско-санитарный батальон - развёрнутый в боевых условиях полноценный, по мере продвижения армии стационарный больничный комплекс; располагался в глубине фронтовой полосы на уровне вспомогательных подразделений дивизий, армии. Из медсанбата прооперированных тяжело раненых бойцов отправляли по цепочке эвакогоспиталей (ЭГ) до ближайшей восстановленной железной дороги, куда подходили санитарные поезда. Они развозили раненых по госпиталям страны; в ЭГ раненые находились по 2-4 дня, в зависимости от процесса лечения и их физического состояния. Перевозили раненых и самолётами.

Была ночь, когда я проснулся от наркоза. Увидел себя в большой армейской палатке. На центральном опорном шесте слабо светила лампочка. За небольшой тумбочкой сидела медицинская сестра. Много коек, на всех раненые. Полог входа в палатку отброшен, тянет запахом леса. Особая тишина ночи. Ни выстрела, как будто нет войны. Моя челюсть стянута бинтами, по горло накрыт простыней. Рука?! Я резко сдёрнул простыню. Широкие бинты опоясывали грудь, а правое плечо было заматано вкруговую толстой бинтовой повязкой. «Всё. Руки не будет», — холодно сказал я себе и понял свою неную будущность. Сестра услышала какое-то движение, подошла, заново накрыла простыней, говорила что-то обнадеживающее, но я уже не вслушивался, как утром. Оказалось, я не всё знал тогда об этом дне — была и третья пуля. В городе Иваново, где я лежал в челюстном госпитале, впервые после ранения взял свою полевую сумку и ахнул:

gun, and, leaning on my left elbow, began to crawl towards the forest...

Maybe if I had drunk water, I would have stayed to wait for help. The nearby forest already seemed far away, but I crawled. I remember myself already in the medical company: it means the nurse returned, they carried me out. In the medical company, they filled me with the unforgettable charm of raw, cool water, gave the mandatory tetanus shot for all the wounded. Then - the operating room of the medical battalion.

- The medical company is the nearest medical point to the combat actions; it was located at the front positions; its function was to provide emergency assistance to the wounded and send them to the medical battalion.

The medical battalion is a full-fledged hospital complex deployed in combat conditions, becoming stationary as the army advanced; it was located deep in the front line at the level of auxiliary units of divisions and the army. From the medical battalion, operated-on severely wounded soldiers were sent through a chain of evacuation hospitals (EH) to the nearest restored railway, where hospital trains arrived. They transported the wounded to hospitals across the country; in the EH, the wounded stayed for 2-4 days, depending on the treatment process and their physical condition. The wounded were also transported by planes.

It was night when I woke up from anesthesia. I saw myself in a large army tent. A dim light bulb glowed on the central support pole. A nurse sat at a small bedside table. Many cots, all with wounded. The flap of the tent entrance was thrown back, the smell of the forest wafted in. A special silence of the night. Not a shot, as if there was no war. My jaw was bandaged, covered with a sheet up to my neck. My arm?! I sharply pulled off the sheet. Wide bandages wrapped around my chest, and my right shoulder was wrapped in a thick bandage. "That's it. There will be no arm," I coldly said to myself and understood my new future. The nurse heard some movement, approached, covered me with the sheet again, said something encouraging, but I was no longer listening, as in the morning. It turned out I didn't know everything about that day - there was a third bullet. In the

в краешке её левого уголка был пулевой вход (попросту говоря, маленькая дырка), а на вылете, в задней утолщённой стенке — большой разрез, как ножом; на доньшке сумки лежали разороченная латунная оболочка пули и...

Расплющенный кусочек свинца, так рвёт разрывная пуля. По сей день храню эти предметы, ставшие для меня реликвиями Великой Отечественной войны. Дороги к победе над германским нацизмом были крутыми. Слушая чистые звуки фанфар победителям, отдадим честь и тем, чья молодость навечно застыла в той тяжёлой войне. Я награждён двумя орденами Отечественной войны, первой и второй степени, а также медалью «За Победу над Германией» и памятными юбилейными медалями СССР, РФ и Израиля.

Сокращённо опубликовано в еженедельнике «Кстати» (Калифорния) 1-7 июня 2006 года. №585, стр. 35. <http://www.kstati.net>

city of Ivanovo, where I was lying in a maxillofacial hospital, I first took my field bag after the injury and gasped: in the corner of its left edge was a bullet entry (simply put, a small hole), and at the exit, in the back thickened wall - a large cut, like with a knife; at the bottom of the bag lay a torn brass bullet casing and...

a flattened piece of lead, that's how an explosive bullet tears. To this day, I keep these items, which have become relics of the Great Patriotic War for me. The roads to victory over German Nazism were steep. Listening to the pure sounds of fanfares for the victors, let us honor those whose youth was forever frozen in that heavy war. I was awarded two Orders of the Patriotic War, first and second class, as well as the medal "For Victory over Germany" and commemorative jubilee medals of the USSR, RF, and Israel.

Abbreviated published in the weekly "Kstati" (California) June 1-7, 2006. No. 585, p. 35. <http://www.kstati.net>

LIFE AFTER INJURY

Продолжение начну с важного для меня эпизода из госпитального периода. Я задался вопросом: как мне жить без руки? Сложности были очевидны, да суровые условия жизни военных лет не утешали. Были и такие инвалиды войны, которые не выдерживали свалившихся на них бед и скатывались на дно жизни; это вовсе не была закономерность, следовавшая из их прошлого. Я понял, что помощь, силу надо искать в себе же; уже в госпитале надо начинать готовить себя к новой жизни. Но как? Первое испытание подсказалось необходимостью написать братьям о своём ранении.

Я побуквы Когда решил, что достиг успеха в каллиграфии, попросил медицинскую сестру поискать твёрдую доску или фанерку, чтобы на согнутых ногах мог написать два коротких письма. Как сейчас помню её удивление и предложение написать письма под мою диктовку. Я поблагодарил и отказался, объяснив, что у меня никого нет, надо учиться всё делать самому. Буквы получились корявые, адреса написала сестра. Главное было в том, что я не принял соблазнительную, иногда разрушающую волю человека помощь. Это был мой первый шаг к самоутверждению в сложившейся реальности.

Среди погибших мой друг — Заславский Яков Михайлович, р. 1923 года, москвич, жил на Сretenке, ул. Хмелева, 14. Мы познакомились задолго до войны в пионерском лагере. Яша закончил (если не ошибаюсь, Самаркандское) танковое училище. Был ранен, после госпиталя вернулся на фронт, но не танкистом. В звании старшего лейтенанта, на 2-м Прибалтийском фронте, 25 июля 1944 года, то есть на следующий день после моего ранения, Яшу тяжело ранило в живот, и в тот же день он скончался.

После войны фронтовой товарищ Яши прислал его родителям полевую карту, на которой точно помечена могила Яши. При содействии военкоматов родителям разрешили перезахоронить своего единственно-

I will continue with an important episode from the hospital period. The first test was prompted by the need to write to my brothers about my injury. I asked myself: how do I live without an arm? The difficulties were obvious, and the harsh living conditions of the war years offered no consolation. There were also such war invalids who could not withstand the misfortunes that befell them and slid to the bottom of life; this was not at all a pattern that followed from their past. I realized that help, strength must be sought within oneself; already in the hospital, one must begin to prepare oneself for a new life. But how?

I decided that I had achieved success in calligraphy, and asked the nurse to find a hard board or plywood so that I could write two short letters on my bent legs. I still remember her surprise and her offer to write the letters under my dictation. I thanked her and refused, explaining that I had no one, I had to learn to do everything myself. The letters turned out crooked, the nurse wrote the addresses. The main thing was that I did not accept the tempting, sometimes destructive help that can undermine a person's will. This was my first step towards self-affirmation in the new reality.

Among the dead was my friend - Zaslavsky Yakov Mikhailovich, born in 1923, a Muscovite, lived on Sretenka, Khmeleva St., 14. We met long before the war in a pioneer camp. Yasha graduated (if I'm not mistaken, from the Samarkand) tank school. He was wounded, after the hospital he returned to the front, but not as a tanker. As a senior lieutenant, on the 2nd Baltic Front, on July 25, 1944, that is, the day after my injury, Yasha was seriously wounded in the stomach, and on the same day he died.

After the war, Yasha's front-line comrade sent his parents a field map on which Yasha's grave was precisely marked. With the assistance of military commissariats, the parents were allowed to reburial their only son in the Vostryakovskoye Jewish cemetery near Moscow. Yasha's grave is in the right

го сына на подмосковном еврейском кладбище «Востряковское». Яшина могила в правом углу от главных ворот. Подборка его писем с фронта опубликована в журнале «Знамя». Отдаю честь двоюродной сестре моего друга — Люсе Зимоненко, которая многое сделала для сохранения памяти о погибшем брате.

В той же могиле покоится его мать — Мильда Яковлевна. С Ящей связано воспоминание о последнем довоенном пионерском лете, о 1940 году. Всегда можно было пробыть за городом две смены, да родители освобождались от забот о детях. Уровень интереса определялся в лагере квалификацией школьных педагогов, которые вели кружковую работу. Кружки были: художественного слова, ботанический, умелые руки, военизированного направления — авиамодельный, географический. Вечером, когда уже смеркалось, разжигали костёр. Ребята, преимущественно девочки, читали — кто наизусть, кто по книге — стихи, небольшие рассказы русско-советских классиков. Потом педагог-руководитель кружка помогал разобраться в подлинном содержании прочитанного, найти смысловые ударения. Такие необязательные теоретизированные уроки легко запоминались и помогали нам в школе получать хорошие отметки по литературе. В предвоенные годы пригородные электрички по Киевской железной дороге ещё не ходили. Только на участке Северный (Ярославский) вокзал — город Александров поезда тянули электровозы. Приезжавшие с восторгом рассказывали о разности впечатлений от езды. Ну, а если такое выпадало на счастье знакомых ребят, то ты становился завистливым свидетелем потока хвастовства; ребята чувствовали себя героями, будто они и есть те самые электровозы.

Так что и летом 1940 года до станции Суково по Киевской, где размещался пионерский лагерь, мы ехали в старых, громыхавших, переваливавшихся сбоку на бок вагонах. Состав тащил тоже старый, приспособленный для пригородного движения, паровоз. Зато он был надраен до сверкающего блеска, и это придавало какой-то шарм путешествию. Паровоз прерывисто гудел, с шумом выпускал пар; колёса монотонно и часто стучали на стыках рельс;

corner from the main gate. A selection of his letters from the front was published in the magazine "Znamya". I pay tribute to my friend's cousin - Lyusya Zimonenko, who did a lot to preserve the memory of her deceased brother.

In the same grave rests his mother — Milda Yakovlevna. A memory associated with Yasha is about the last pre-war pioneer summer, in 1940. You could always stay out of town for two shifts, and parents were freed from the worries of children. The level of interest in the camp was determined by the qualifications of school teachers who led club activities. The clubs included: literary, botanical, handicrafts, military-oriented — model aircraft, geographical. In the evening, when it was already getting dark, a campfire was lit. The children, mostly girls, read — some from memory, some from books — poems, short stories by Russian-Soviet classics. Then the club leader helped to understand the true content of what was read, to find the semantic emphasis. Such optional theoretical lessons were easily remembered and helped us get good grades in literature at school. In the pre-war years, suburban electric trains on the Kiev railway did not yet run. Only on the section from the Northern (Yaroslavsky) station to the city of Alexandrov did the trains run on electric locomotives. Those who came back told with delight about the different impressions of the ride. Well, if such a thing happened to familiar guys, you became an envious witness to the flow of boasting; the guys felt like heroes, as if they were those very electric locomotives.

So, in the summer of 1940, we traveled to the Sukovo station on the Kiev railway, where the pioneer camp was located, in old, rattling, swaying side-to-side carriages. The train was also pulled by an old steam locomotive adapted for suburban traffic. But it was polished to a sparkling shine, which added some charm to the journey. The steam locomotive whistled intermittently, released steam with noise; the wheels monotonously and frequently clattered at the rail joints; coal soot from the steam locomotive's chimney flew into the open windows of the carriages; when braking, the carriages collided with a clang and force, so the children who stood unsteadily or sat on the edges of the

угольная гарь из трубы паровоза летела в открытые окна вагонов; при торможении вагоны с лязгом и силой сталкивались буферами, поэтому ребята, которые неустойчиво стояли или сидели на краешках сидений, могли упасть. Условия езды веселили нас, мы сравнивали их с относительно недавно (лето 1935 года) открывшейся впервые в СССР линией Московского метрополитена имени Л.М. Кагановича («Сокольники — Парк культуры имени А. М. Горького»). Несмотря на пыхтение паровоза, пейзаж медленно проплывал мимо окон поезда. Суково казалось по отношению к Москве несусветной далью, и на родительские дни мало кто приезжал, даже к младшим классникам. Отдалённость объединяла всех. Мы с лёгкостью принимали предложения руководителей. Так, педагог по ботанике предложила присоединиться к обору.

и оформлению гербариев для среднеклассников. За таким занятием меня сфотографировал Яша: с букетиком полевых цветов в правой руке (это оказалось её последним фото). С большим интересом мы ходили в походы по азимуту. Ту двум группам пионеров географ давал схемы разных маршрутов движения к общему сборному пункту. После тренировок на территории лагеря мы частенько уходили на весь день в увлекательные походы. После завтрака получали сухие пайки, географ присоединялся к группе, в которой преобладали новички, и в путь. Отношение к длительным походам было по-мальчишески серьёзное, у девочек тоже. Даже в тех случаях, когда выходили на знакомую местность, всё равно сверяли заданное в схеме с нашим движением, в этом был особый штурманский фарс. На сборный пункт сходились к концу дня. Пришедшие первыми занимались костром. У огня доедали продзапасы, обсуждали примечательности маршрутов, задавали вопросы, внимательно слушали руководителя кружка, который к прямому ответу обычно добавлял какую-нибудь байку. Было весело, непринужденно, но кульминацией всему была... картошка. Мы клали её на угольки, с краю костра: на пределе терпения...

Ченную картофелину с руки на руку, обжигаясь, с наслаждением пожирали ко-

seats could fall. The travel conditions amused us, we compared them with the relatively recently (summer of 1935) opened first line of the Moscow Metro named after L.M. Kaganovich ("Sokolniki — Gorky Park"). Despite the puffing of the steam locomotive, the landscape slowly floated past the train windows. Sukovo seemed an incredible distance from Moscow, and few people came on parents' days, even to the younger students. The remoteness united everyone. We easily accepted the leaders' suggestions. For example, the botany teacher suggested joining the collection.

and preparation of herbariums for middle school students. Yasha photographed me doing this: with a bouquet of wildflowers in my right hand (this turned out to be her last photo). We went on azimuth hikes with great interest. The geographer gave two groups of pioneers diagrams of different routes to a common meeting point. After training on the camp grounds, we often went on exciting day-long hikes. After breakfast, we received dry rations, the geographer joined the group, which was mostly made up of newcomers, and off we went. The attitude towards long hikes was serious for both boys and girls. Even in cases when we went to familiar terrain, we still compared the given route with our movement, there was a special navigator's farce in this. We converged at the meeting point by the end of the day. Those who arrived first took care of the campfire. By the fire, we finished our food supplies, discussed the highlights of the routes, asked questions, and listened attentively to the club leader, who usually added some story to the direct answer. It was fun and relaxed, but the culmination of everything was... potatoes. We placed them on the coals, at the edge of the fire: at the limit of patience...

Passing the hot potato from hand to hand, burning ourselves, we devoured the queen of the hike with pleasure. The routes were completed, the smoldering campfire was extinguished under the watchful eye of the leader, backpacks on our backs, and home to the Pioneer camp, where dinner awaited. If we returned very late, and the Big Dipper and the North Star shone in the sky, they were our guiding stars on some parts of

ролеву похода. Маршруты завершены, недогоревший костёр залит под пристальным оком руководителя, вещмешочки - за спины и домой, в Пионерский лагерь, где ждёт ужин. Если возвращались очень поздно, и на небе светились Большая Медведица и Полярная звезда, то на каких-то участках пути они были нашими путеводными звёздами. Географ интересно рассказывал также о странах, где эти звёзды видны плохо, об ориентировании на море. От насыщенности впечатлениями большого дня, вконец уставшие, мы крепко засыпали. В самом страшном сне никому не могло присниться, что некоторые из старших ребят немногим более чем через год будут пытаться выйти из немецкого окружения, используя навыки пионерских походов.

Но мы пока в пионерском лете сложно-го 1940 года. Помимо школы Яша занимался в студии живописи на Сретенке. Больше всего он увлекался портретом. К сожалению, у меня не сохранился его рисунок; было бы интересно посмотреть, насколько психологичны его портреты. Мне ещё помнятся характерные выражения глаз на отдельных изображениях некоторых общих знакомых. Меня рисование никогда не привлекало. Единственный раз, в начальной школе, я со всем старанием нарисовал свою кошку, и то маме пришлось добавить зверю пушистости. Понятно, Яша много рисовал; я ходил на авиамоделирование. Мой выбор не был случайным. Даже сейчас, когда вижу летящий самолёт, провожаю его взглядом до тех пор, пока он не сольётся с глубиной неба. Конечно, авиационная романтика убита в воздушных боях, террористами. Но меня всегда восхищали, и я легко понимал физические законы, которые объединяются словом самолёт, поэтому школьная физика была моим любимым предметом. Кроме того, мой старший брат Гриша работал на авиационном заводе и учился на вечернем отделении Московского авиационного института; у нас бывали увлекательные беседы. После заключения Пакта о ненападении между фашистской Германией и СССР (август 1939 года) Гриша иногда приносил мне хорошо иллюстрированные книги.

рованный технический журнал германской авиационной промышленности. Тогда

the way. The geographer also told interesting stories about countries where these stars are poorly visible, and about navigation at sea. Filled with impressions of the big day, completely exhausted, we fell asleep soundly. In the worst nightmare, no one could have dreamed that some of the older guys would be trying to escape from the German encirclement using the skills of pioneer hikes in just over a year.

But we are still in the pioneer summer of the difficult year 1940. Besides school, Yasha attended a painting studio on Sretenka. He was most interested in portraiture. Unfortunately, I did not keep his drawing; it would be interesting to see how psychological his portraits were. I still remember the characteristic expressions of the eyes in some images of our mutual acquaintances. Drawing never attracted me. The only time, in elementary school, I drew my cat with all my effort, and even then my mother had to add fluffiness to the animal. Clearly, Yasha drew a lot; I attended model aircraft building. My choice was not accidental. Even now, when I see a flying airplane, I follow it with my eyes until it merges with the depth of the sky. Of course, aviation romance has been killed in air battles, by terrorists. But I was always fascinated, and I easily understood the physical laws that are combined in the word airplane, so school physics was my favorite subject. In addition, my older brother Grisha worked at an aircraft factory and studied in the evening department of the Moscow Aviation Institute; we had fascinating conversations. After the signing of the Non-Aggression Pact between Nazi Germany and the USSR (August 1939), Grisha sometimes brought me well-illustrated books.

A technical journal of German aviation industry. At that time, I first saw the Junkers and Messerschmitts, and learned some of their technical characteristics. The Germans apparently did not value the Soviet aviation and its defense, if they sent a journal from which specialists could understand a lot, or maybe it was just a threat.

An interesting pioneer summer was not detached from big events in the country and the world, but was a flood of them. By the summer of 1940, the German army, bypass-

я впервые увидел «Юнкерсы», «Мессершмиты» и узнал некоторые их технические характеристики. Немцы, очевидно, высоко оценивали советскую авиацию и её защиту, если присылали журнал, из данных которого специалисты могли многое понять, а может быть, это было элементарным запугиванием.

Интересное пионерское лето вовсе не отрывало нас от больших событий в стране и мире, а было их навалом. К лету 1940 года войска фашистской Германии через Бельгию, обойдя с севера французскую оборонительную линию Мажино, беспрепятственно вторглись во Францию и 14 июня без боя вошли в Париж. В том же июне Советский Союз присоединил Эстонию, Латвию, Литву, Бессарабию.

В молодёжных научно-популярных изданиях было много интересной, увлекательной информации из разных областей знаний. Помнится, в журнале «Наука и жизнь» читал статью о надёжности линии Мажино. Это было, когда Советский Союз вёл мощную, разоблачающую фашизм пропаганду. В подобных статьях ненавязчиво говорилось о военной мощи наших потенциальных солидных союзников по предстоящей борьбе с фашизмом. Но такой потенциал — Францию немцы положили на лопатки с первого захвата. У нас, школьников, были и свои вехи определения перемен: наши животы надрывались от смеха на про-

смотре фильмов Чарли Чаплина «Новые времена» и «Огни большого города», мы уже предвкушали веселье на анонсированном фильме Чарли Чаплина «Диктатор»; вдруг об этом фильме замолчали, не стало в газетах антифашистского содержания карикатур Бор. Ефимова, Кукрыниксов (аббревиатура фамилий трёх известных советских художников Куприянова М.В., Крылова П.Н., Соколова Н.А.), не стало и других агитационных антифашистских материалов. Но вскоре в центральных газетах появилась фотография Иоахима Риббентропа, министра иностранных дел фашистской Германии, приехавшего на подписание Пакта о ненападении, и впрямь, наступили новые времена.

ing the French defensive line of Maigno from Belgium, invaded France without any obstacles and on June 14, without a fight, entered Paris. In the same month, the Soviet Union joined Estonia, Latvia, Lithuania, Bessarabia.

In the youth scientific-popular publications there was a lot of interesting, exciting information from different areas of knowledge. I remember reading an article in the magazine "Science and Life" about the reliability of the Maigno line. This was when the Soviet Union was conducting powerful, exposing fascism propaganda. In such articles, it was subtly said about the military might of our potential solid allies in the upcoming struggle with fascism. But such potential - France was put on the feet of the Germans from the first capture. We, schoolchildren, also had our milestones of definitions of changes: our bellies were bursting with laughter on the

We watched Charlie Chaplin's films "New Times" and "Lights of the Big City", and we already looked forward to the fun on the announced Charlie Chaplin film "Dictator"; suddenly, the film about it was silent, there were no anti-fascist content cartoons by Bor. Efimova, Kukrynikovs (abbreviation of the surnames of three famous Soviet artists Kupriyanov M.V., Krylov P.N., Sokolov N.A.), there were no other anti-fascist propaganda materials. But soon in the central newspapers there appeared a photograph of Joachim Ribbentrop, the foreign minister of Nazi Germany, arriving to sign the Non-Aggression Pact, and indeed, new times had come.